



Федор Березин
Покушение на Еву

«Махров»

Березин Ф. Д.

Покушение на Еву / Ф. Д. Березин — «Махров»,

© Березин Ф. Д.

© Махров

Содержание

ПРОЛОГ	5
Часть I	14
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Федор Березин

Покушение на Еву

ПРОЛОГ

Вы когда-нибудь бывали в Африке? Александр тоже попал в нее первый раз, да еще без визы. Тем не менее несколько часов назад он пересек уже вторую государственную границу за этот день. Но все шло по плану, и был он к тому же не одинок. Кроме того, попав в эту местность впервые, он, однако, все о ней знал: готовился к посещению кропотливо и долго, как и все остальные. Время тикало своим чередом, и край солнечного диска уже появился над холмами, когда их бронированная машина достигла кромки воды. Александр сидел, сняв шлем, и, повернув голову, наблюдал в узкую амбразуру это замечательное зрелище. Дневное светило было ярко-малиновое, объемное и двигалось, как гигантский переливающийся воздушный шар. Однако досмотреть это не надоедающее, происходящее ежедневно, но так редко наблюдаемое людьми действие не пришлось, по обоим бортам бронемашин уже выдвинулись два дополнительных водомета, и Швара командовал: «Задраить люки!» И тогда они поплыли, тарашась друг на друга в темноте, потому что все амбразурные зашторились прочнейшими металлопластиковыми ставнями. Макрак попытался отмочить какую-то хохму, но всем было не до него, а потому он рассмешил только самого себя. Зато от отсутствия тряски стало гораздо легче, да и фон шума изменился, гусеницы уже не скребли по булыжникам, а равномерно перегоняли под днищем пресную воду. Сидящий рядом Бид нахально сажал переносной аккумулятор, слушая на вделанном в ушную раковину наушнике какую-то лично скомпонованную сборку рок-н-рольных хитов, но Александр смотрел на это сквозь пальцы: один выстрел кинетического ружья жрал в долю секунды энергию, достаточную для прогона тысячи компакт-дисков. Кто сказал, что надо бросить песни на войне? После боя сердце просит музыки вдвойне! Правда, боя еще не случилось, но от перестановки слагаемых сумма не меняется. А от путешествия по этим бесконечным холмам можно было впасть в дрему, и любое занятие годилось, тем более что им дали хорошо выспаться перед операцией, и к тому же нервное напряжение с каждым километром приближения к цели продолжало нарастать. Александр вызвал в памяти картинку оперативной обстановки, пытаясь воссоздать детали. В принципе, это было не нужно, стоило надеть шлем, и карта местности, в любом необходимом масштабе, могла бы появиться по первому требованию, но ведь надо было себя чем-нибудь развлечь.

В пехотном отсеке их было семеро, а вообще в вездеходе десять человек – боевое отделение разведки и диверсии. Лейтенант с водителем впереди, да еще наводчик орудия в промежуточном, выше размещенном, отсеке с боеприпасами. Александр был заместителем Швары, но прослужил в армии гораздо больше его, однако Швара был как-никак офицером, а потому имел преимущество касательно высшего образования. Александра это несколько не обескураживало, за время службы он сменил множество начальников, и лейтенант Швара был далеко не худшим. Видимо, вышерасположенное командование его тоже ценило, правда, не в плане его жизни и здоровья, а как отточенный инструмент для выполнения необходимых функций. Пока Александр занимался тренировкой памяти, машина преодолела не слишком широкую речушку и, убрав водометы, снова врезалась в полосу кустарника.

– Как настроение, парни? – осведомился Швара, и его голос отобразился одновременно во всех слуховых органах, причем у каждого индивидуально. В принципе, это был не его голос как таковой, микрофон лейтенанта, в свою очередь, помещался в верхней челюсти, ближе к уху, и передавал не привычные колебания воздуха, а непосредственно колебание кости, однако чистота голоса от этого только выигрывала.

– Все в норме, шеф, – отозвался Александр. – Скоро начнем разминку?

– А куда мы денемся, – в тон ему отозвался начальник, и ответ его закончился каким-то неясным шорохом: он улыбался, но улыбка тоже являлась движением мышц, и аппаратура передала и ее.

Вопрос сержанта и ответ офицера не имели смысла, они все прекрасно знали, на каком этапе придется произвести спешивание, но это было нечто в виде светского разговора, и деться от него было некуда. Ну, а затем они вновь ехали молча, ровно до того момента, когда писк в индивидуальном передатчике каждого возвестил о первых сложностях.

– Все за борт! – заорал Швара. – Ракета!

И они напялили шлемы, и врубили боевую программу, и посыпались в задние, распахнутые настежь дверцы, и на бронетранспортере остался только боевой экипаж в количестве двух: водителя и наводчика. И машина, не слишком громко шумя – все-таки это была разведывательная, очень дорогая разработка, – завертелась, ставя дымовые, радиолокационные и иные помехи, и пошла, помчалась назад, вклиниваясь между холмами, сбивая эту чертову самонаводящуюся и, наверное, очень издалека прилетевшую противотанковую ракету. А пехота, бегом, бегом, уже рассредоточивалась в боевой походный порядок, и каждый во взводе видел эту ракету прямо в своей глазнице, потому как дисплеев у них не было, а были дорогостоящие, наводящиеся прямо в зрачок лазеры, изменяющие место наведения луча три тысячи раз в секунду, а потому оперативно-тактическую обстановку они ощущали как на ладони, и ее двумерное измерение даже несколько затеняло реальный трехмерный пейзаж. И каждый из них, прыгая по кочкам, одновременно наблюдал, как метка, обозначающая ракету, распалась и уже не отслеживаемые ее части рванулись вниз, наводясь самостоятельно, может, по тепловому, а может, по радиофону, и тогда они, согласно наставлениям, голосом отключили на время свои нацеленные локаторы, опасаясь выдать себя. И уже только некоторые, особо любопытные и кому не мешали складки местности, видели, как сразу два разрыва полоснули по крыше их недавнего убежища и как изуродованная, лишившаяся башни машина, вся в облаке пены автоматических огнетушителей, ушла, скрылась за невысокими зарослями.

И они отправились дальше, держа в памяти наводчика – младшего сержанта Леда, который, по-видимому, уже отвоевал свое.

* * *

А потом они засекли подвижный патруль, и стало очень жарко: маленький компьютер, размещенный под воротником, едва-едва успевал изменять микроклимат обмундирования, потому что патруль их тоже засек. И была битва, но их стрелковое оружие имело в полтора раза более высокие показатели в начальной скорости пули и в скорострельности тоже, и наводилось оно более умелыми руками и наметанным глазом. Вот только вражеская автоматическая шестистволка зацепила Макрака, и, несмотря на многослойный шлем, он лишился головы. Зато они уложили весь патруль, наверное, целый взвод, только не такой, как у них, а старой армии, когда там было человек тридцать.

Но все это не радовало, и, видимо, верховное командование, пьющее кофе на высоте десяти километров и в тысяче этих же единиц от внепланового боя, решило, что внезапность всей затеи потеряна, а потому операцию следует свернуть, но было уже несколько поздно, поскольку истребленный патруль, до того размещенный в двух бронетранспортерах, успел передать о своей находке кому-то еще. И очень скоро их атаковал вертолет. И хотя о его приближении они узнали заранее, по картинке, выданной с летающего командного пункта, и успели еще более рассредоточиться, и Хонка уже сидел, затаившись, нацелив в небо свою ракетометающую трубу, – это мало помогло. Вертолет превосходил их в подвижности и подкрался на совсем малой высоте. Дальность его оружия превосходила их возможности, поэтому пер-

вое слово было за ним. И рвались вокруг НУРСы, и ложились костями солдаты, задраенные в титановую броню, как древние рыцари под градом тяжелых арбалетных стрел. И с каждой новой детонацией неуправляемого ракетного снаряда гасли на пульте в летающей воздушной крепости, крейсирующей в стратосфере, индикаторы состояния здоровья, гасли и гасли, один за другим. И лежал, свернувшись, но внутри своего скафандра разорванный в куски Хонка, успевший выпустить две ракеты из трех возможных. И уже все они палили в небо с упреждением, следуя подсказкам компьютеров, но их сверхбыстрые пули, разгоняемые чудовищными импульсами тока, были слишком легки против этого древнего реликта с бронированным днищем. Но они запутывали его, выбрасывая дымовые шашки, и большинство его медленных пуль и ракет зазря пахали землю. И в конце концов он обиделся и сбросил три бомбы, а затем гордо удалился, видимо, прикончив весь наличный арсенал. И там, в нарезающем петли атомно-приводном командном пункте, уже много-много суток дежурившем в этом районе, у десятков офицеров, сидящих перед экранами, посерели лица, потому как все индикаторы, за исключением двух, потухли, а у этих оставшихся автоматические передатчики выдавали предсмертное состояние, и некому было оказать помощь, потому как район боя находился на подконтрольной средствами ПВО противника территории, а именно из-за этих средств и разгорелся сыр-бор.

* * *

Александр не доставал бинокль, опасаясь выдать его блеском свое местоположение. Стекла оптического прибора были обработаны специальным составом, практически не дающим отражения, однако он все равно боялся. Во всем случившемся было слишком много совпадений, он знал, что беда обычно не приходит одна, но в этом случае неудача явно выплескивалась через край: еще никогда он не терял в течение часа прямого начальника и всех до единого подчиненных. Происшедшее пахло предательством, если только разведка не вралась насчет их технологического превосходства над противником. Но он не смотрел в бинокль не только по этой причине: там, среди лежащих в траве людей, вполне возможно, еще были в некотором роде живые солдаты. А поскольку это были его солдаты, он страшился узнать об этом наверняка, потому как тогда долг заставил бы его ввязаться в новую драку, а исход ее в сегодняшнем случае был предрешен. Там, всего в километре от него, местность прочесывала вражеская пехота.

Он лежал не шевелясь, и ему было удобно, костюм был сработан со знанием дела: где надо – мягко, где надо – твердо. Всю внешнюю связь он вырубил, этим он лишил себя возможности спастись начисто, там, на летящем за две тысячи километров командном пункте, его могли посчитать погибшим, однако он мало верил в то, что помощь извне поступит, зато вражеская аппаратура не могла теперь его запеленговать. Перед рейсом им внушали, что это практически невозможно, однако последние события наглядно позволяли в этом усомниться. Из всей имеющейся в его, похожем на скафандр, одеянии аппаратуры в настоящий момент функционировала только система поддержания микроклимата, поэтому его телу было очень комфортно, а вот душе...

Он видел, как солдаты противника находили трупы. Он не мог их отсюда слышать, хотя в его комплекте находились приставные ушные раковины величиной с небольшую тарелку каждое, но он не стал шевелиться, доставая их. Он знал, что материал его одежды почти не поддается обнаружению в радио- и инфракрасном диапазоне, поэтому он надеялся пока выжить. Он пережил своих коллег уже на два с половиной часа, он видел, как их грузили в крытые брезентовым тентом машины, но он не ведал, нашли ли эти черные парни всех и знают ли они, сколько их должно быть. Он очень надеялся, что не знают. Когда на его внутреннем дисплеем изображении потухли все индикаторы здоровья, а два показали смертельно опасное

поражение, он понял, что внешняя связь ему больше не нужна, и сложил расположенную на шлеме-маске антенну, а затем совсем выключил передатчик.

Он прикидывал в мозгах, собственных, не компьютерных, различные варианты дальнейших действий. Он размышлял, за сколько можно преодолеть тот путь, который они промчались на бронетранспортере, пешком и в условиях потревоженного вражеского улья. Он представлял себе, как наводит в беспечно бредущих вдаль людшек свою электрокинетическую винтовку и сносит им головы прямо с этого огромного расстояния, как рассекает в клочья брезентовые чехлы и деревянные кузова своими, созданными в обход Женевской конвенции, зарядами. Скорее всего все это были необоснованные мечты. И к тому же данное вероятное событие ни к чему не вело, это была бы просто месть, а разве для того он здесь? И разве для этого они здесь полегли? Их цель была там, вдаль, вне зоны его досягаемости, но кто мешал ему продолжить начатое, тем более что в ином случае он бы погиб, просто спасая свою шкуру, а вот в варианте продолжения операции он бы мог оправдать все жертвы, насколько это возможно по логике войны. Шансы были невероятно малы, практически отсутствовали, но ведь так же было и во всех других вариантах.

* * *

Он ориентировался по компасу и по системе микрочипов. Компьютер крайне возмущался отсутствию связи с себе подобными, зная, что система приемопередачи в полном порядке, а кроме того, он все время требовал уточнения ориентации по спутниковой системе, ему, видите ли, хотелось знать свое местоположение с точностью до двух метров, а не до плюс-минус ста, как в настоящий момент. Но Александр считал эти требования слишком привередливыми, поскольку он действовал один, ему вовсе не нужна была такая бешеная точность. По большому счету, ему не требовались даже часы – временные показатели его не очень занимали, ведь теперь он не был привязан ни к какому контрольному нормативу. Он просто шел по этой равнинной местности ночами, не включая головной локатор, так как любой сонар можно обнаружить на большем расстоянии, чем он видит сам. Александр использовал только пассивные методы, включая светумножительные и тепловые датчики. Днем он спал или прокручивал в мозгах свой план, хотя знал, что, когда дойдет до дела, все равно понадобится экспромт.

На третью ночь он дошел.

* * *

В инфракрасном диапазоне он видел весь объект как на ладони. Теперь он соотносил наблюдаемое с записанной в электронную память спутниковой фотографией высокого разрешения, а также с радиолокационной картинкой, с гораздо меньшим разрешением, но зато полученной под другим углом, с самолета дальней радиолокационной разведки. Ночь была безлунная, до рассвета четыре часа, а до вероятной смены часовых, которых он видел в образе красноватых, расплывчатых призраков, десять-пятнадцать минут. Он решил дождаться смены, возможно, потом, после того как все начнется, у него будет в запасе несколько лишних минут, а за несколько минут можно преодолеть очень приличное расстояние. За время своего похода он достаточно сильно устал, все-таки по нормативам его боевой костюм нельзя было носить более суток, так что здесь был экстренный и, наверное, уникальный случай.

Александр изменил средства наблюдения, теперь он засек малую радиолокационную станцию обнаружения ближних наземных целей, луч прошел по нему, но ничего не случилось, следовательно, для этой устаревшей штуковины он пока был невидим, по крайней мере в неподвижном состоянии. Однако он ввел в компьютер ее координаты, как приоритетного объ-

екта на уничтожение. Этот список быстро пополнялся, там были уже две установки активного инфракрасного режима и, конечно, часовые.

Он дождался конца смены, допивая остатки кофе через трубочку, предварительно выдавив последний тубик с паштетом: этот бой, с любой математической вероятностью, должен был закончиться фатальным для него образом, поэтому экономить в пище далее было совсем нерационально. Теперь несколько приободренный (как все-таки сытый желудок взаимосвязан с настроением – доказывая первичность материи и вторичность разума!), он беззвучно двинулся вперед. Он занял удобную стоячую позицию и, вскинув руку с лазерной «слепилкой», активизировал систему, состоящую из жидкометаллической суспензии, находящейся в специальных нишах-прокладках рукава и жилета: основанный на эффекте «памяти» металла состав мгновенно затвердел, давая руке необходимую для спокойного прицеливания опору. Он сделал два выстрела широким, невидимым глазу человека лучом по местоположению инфракрасных обнаружителей, выводя их из строя. О результатах применения оружия он мог только догадываться, однако его устраивала вероятность, показанная компьютером, и он спешно поменял свое местоположение и оружие. Теперь он, не торопясь, целился в ближнего часового, смело опираясь локтем в невидимую опору, словно на бруствер окопа. Он сделал два выстрела, и две пули, разогнанные плазмой, сожрав в своей короткой пробежке по стволу кучу энергии из запячного аккумулятора, с бешеной скоростью унеслись к цели. Автомат не зря имел удлиненный пламегаситель, без него свечение испарившейся в стволе водяной смеси выдало бы местоположение стрелка. Не дожидаясь результата, Александр перенес огонь на второго часового, этот стоял на вышке, и деться ему было некуда, но, во избежание всяких невероятностей, Александр послал в его сторону боеприпас из второго приставного магазина. Эти несколько удлиненные и более медлительные в движении заряды обладали куда большей разрушительной мощностью, они предназначались для уничтожения плотных боевых пехотных порядков, поэтому, достигнув огороженной, приподнятой над землей будки, этот микроснаряд разорвался, разбрасывая вокруг смертельные короткие стержни из необогащенного урана. Затем два таких же подарка рванулись к малой радиолокационной станции. Средства пассивной разведки Александра сразу указали на прекращение излучения, и по этому поводу он короткой командой активизировал собственный нацеленный локатор поиска металла. Более в доступной ему зоне поражения целей не было, и он двинулся вперед. Уже через пятьдесят шагов он поздравил себя за предусмотрительность: вспаханная полоса впереди была заминирована. Он хорошо видел мины левым глазом в фоновом режиме бездисплейного отображения информации, локатор давал примерное местоположение каждой мины, хотя точность была очень слабой: как ни мудрили конструкторы, им все равно не удалось разместить внутри шлема высокочастотный локатор, а наличный давал приборную ошибку в пределах длины волны излучения. Но не прошло и сорока секунд, а Александр уже резал стальную колючую проволоку первого ряда ограждений. Перед подходом к объекту он опасался собак, но, к его счастью, столь архаичное средство охраны здесь не применяли, враг экономил, и эта экономия должна была в ближайшее время выйти его армии боком.

Где-то в караульном помещении уже срабатывала сигнализация, но он знал, что первый раунд выиграл, и теперь важно было не терять своего преимущества – внезапности. Он пробирался, ориентируясь по электронной карте из памяти компьютера, он очень надеялся успеть осуществить план-минимум из задачи, когда-то бесконечно давно поставленной их взводу, осколком которого он все еще являлся.

Он продвинулся еще на несколько сот метров. Никто вокруг не включал прожектора: объект и техника, находящаяся в этих местах, были донельзя важными и секретными, а потому группа, посланная на поиски нарушителя, действовала в темноте, подобно самому нападающему, посему он по-прежнему имел преимущество – он знал, где находится его цель, а они даже не представляли, кто им противостоит.

Очень скоро его большие тарелкообразные «уши» уловили посторонние шумы, и машинный разум произвел опознавание и тут же разместил их на плане-схеме, отображаемом в глазнице. Это были две поисковые команды, состоящие из нескольких солдат. Они скользили мимо: туда, к резаной проволоке двойного ограждения и к выведенным из строя станциям ночного обнаружения. Александр продолжал просачивание. Вскоре в тепловых датчиках он засек то, что искал, и ввел поправки в своем местоположении. Теперь он осторожно, но тем не менее быстро обходил защитную прямоугольную насыпь. По пути он обнаружил большую связку кабелей, бегущую к насыпи и уходящую в неизведанные дали. Он не стал ее трогать, но ввел ее местонахождение в электронную память, это было уже второе по счету аналогичное препятствие. Обойдя земляное укрепление, назначение которого было уберечь спрятанную за ним технику от снарядов и осколков, он наконец-то обнаружил свою цель-мечту. Это была ФАР (фазированная антенная решетка) – умопомрачительно дорогая и опасная для самолетов штукавина. До нее было пятьсот метров, и он, видя отсутствие на данном этапе непосредственной опасности, решил подобраться поближе. Александр преодолел еще сто пятьдесят метров ползком, не искушая судьбу. Он включил инфракрасную камеру, расположенную, так же как и многое другое, на голове, затем он запросил вероятность поражения цели с данной, точно замеренной автоматическим дальномером дистанции. Вероятность попадания была полной, а вот поражения несколько меньше, он все-таки не имел с собой настоящего гранатомета. Он развернул антенну внешней связи и включил передатчик, выдавая вонне надиктованное заранее сообщение и картину с видеокамеры. И начался настоящий бой.

* * *

– Где находится этот парень? – спросил генерал Спара, задумчиво глядя на свежайшую распечатку.

– Он где-то в середине их позиции, – спокойно пояснил майор, стоя перед генералом в свободной позе: после того как самолеты заимели атомные движки и стали патрулировать в воздухе сроки, сравнимые с походами подводных лодок, здесь, на борту, строевая подготовка сильно уступила свои позиции нормальным человеческим отношениям.

– А кто он?

– Это номер П-107453 – сержант из уничтоженного два дня назад подразделения.

– Но ведь они все погибли? – с некоторым сомнением спросил генерал.

Несмотря на то что разговор происходил на высоте одиннадцать тысяч метров, генерал Спара имел на плечах погоны сухопутных войск, и это была не его причуда, само деление на рода войск несколько устарело, поэтому его форма была данью традиции.

– Мы все так думали, генерал.

– Это может быть дезинформацией, майор Неро?

– Такая возможность теоретически, конечно, допустима, но практически... – Неро состроил на лице сложную гримасу, невольно выдавая ею свое отношения к людям, мало разбирающимся в технике. – Ясно, что противник захватил боевые костюмы и оружие спецгруппы, но взломать шифры индивидуальной настройки... – Неро снова скривился.

Генерал хмуро посмотрел на него.

– Ладно, что передал этот парень?

– Можно глянуть на вашем экране, генерал?

– Валяйте, майор.

– Сай! – позвал Неро, придвигая висящий возле уха микрофон. – Дай картинку сюда на «главный».

Оба военных воззрились на экран.

– Это их ФАР, снимок передан в цифровой форме. Сфотографировано с расстояния триста метров, камера расположена на земле, можно предположить, что в этот момент сержант лежал. Вот вторая картинка, угол несколько другой – солдат, похоже, встал. Видите? Наглядные следы разрушения локатора.

– Антенна выведена из строя? – перебил пояснения генерал.

– Ну, если это не сфабриковано, то да. Но наверняка...

– Сколько времени прошло? – снова оборвал начальник.

– После того, как получили картинку?

– Да, черт возьми.

– Менее пяти минут, я так думаю. Правда, учитывая запаздывание и первичную спутниковую обработку...

– Тихо, майор! – приказал Спара, напяливая снятый микрофон и поворачиваясь к пульту. – Первому и третьему готовность, провести КФС, активация боевых систем.

Прошло очень малое время, в течение которого на дисплее у генерала последовательно сменилось несколько картинок: контроль функционирования систем и активация прошли успешно. А в отсек без стука влетел полковник с петлицами военно-воздушных сил.

– Дин, извини, генерал Спара, вы решили атаковать объект? Если это провокация, мы потеряем бомбардировщики.

В это время по компьютеру пошли цифры, а по звуковому каналу доклады людей, сидящих в кабинах двух истребителей-бомбардировщиков, подвешенных под гигантскими крыльями ЛКБПА (летающего командного боевого пункта-арсенала). Полковник не зря волновался, ведь подвесных машин было всего шесть, они могли стартовать со своего воздушного носителя только один раз, подобно ракетам, а уж посадку они совершали на какой-либо авианосец, наиболее приближенный в пространстве, поэтому, теряя хотя бы один истребитель, ЛКБПА проигрывал в своей ударной мощи, восполнить которую он уже не имел возможности до следующего трехмесячного дежурства.

Генерал Спара оскалился.

– Не пори горячку, Бёрл. Даже если это не провокация, мы все равно останемся без самолетов, но для самообороны у нас еще двести ракет. Этот парень очень ждет нашей помощи, и, если я не помогу ему, меня замучает совесть по поводу бюджетных средств, потраченных на мое обучение в академии. Кроме того, полковник, свяжитесь с авианосцем. Пусть вышлет спасатель с вертикальным взлетом в район боя.

Затем он продолжил отдачу команд в микрофон:

– Господа пилоты, активируйте ракеты «воздух—поверхность», уже с максимальной возможной дальности мы начнем давать вам порядок разделки этой «туши», но подойти надобно поближе, там наш человек, и удары придется наносить булавочные. Но если заподозрите что-то неладное, смело разворачивайтесь. С богом! – Генерал повернулся. – Не нервничай, Бёрл, этот парень, как я подозреваю, стоит некоторого количества топлива и кой-какого риска продвижения по служебной лестнице. Мне кажется, он рискует гораздо более, чем мы.

Генерал был очень прав в этом отношении.

* * *

Нанеся удар по локатору, Александр отступил, теперь уже в полный рост, поскольку в настоящий момент он наблюдал подробнейшую картину окружающей тактической обстановки, а исходя из нее, следовало поторапливаться. Его полевой компьютер имел полное представление о происходящих вокруг процессах, ведь теперь электроника получала разведанные из нескольких источников параллельно: кроме передаваемой спутником информации с подвешенного вдали командного пункта и наблюдаемого нашлемной видеокамерой пейзажа, она еще

схватывала оперативную обстановку с автоматического микросамолета, запущенного Александром и сейчас накручивающего восьмерки над вражеской позицией. Размер данного чуда не превышал параметры сделанного из тетрадного листа планера, однако Александру не приходила в голову данная аналогия, в те времена, когда он учился, тетрадей в школах уже не применяли, их заменили выдаваемые каждому школяру «персоналки».

Он добрался до отмеченного аппаратурой места и сделал заклад маленькой, но очень сильной для ее размеров мины в кабельное сплетение. Он отошел не более чем на пятнадцать шагов, когда сзади рвануло. Сделать аналогичную операцию по отношению к другой обнаруженной заранее коммуникационной сети он явно не успевал, оттуда из-за бруствера к нему быстро приближалась компактная группа людей, он наблюдал ее в виде красноватых пятнышек, обведенных красной окружностью, свидетельствующей о первостепенной опасности. Это была препарированная компьютером картинка пейзажа с видом сверху. Александр затаился и стал ждать, когда электроника даст разрешение на выстрел, исходя из расстояния, она сама вводила запаздывание разрыва заряда «большой» пули. Пехота еще не успела высунуть нос из-за насыпи, когда рядом с самым прытким разорвалась миниатюрная граната. За ней последовала еще одна.

Теперь Александр взбирался на насыпную обваловку, желая увеличить зону своего влияния. Этот бой был его личным боем, все причины, поводы, экономические и военные, остались там – далеко за зоной его восприятия, сейчас он был боевой машиной, мало отличающейся от носимого с собой электронного напарника. Единственным присущим ему отличием в настоящий момент была возможность самопрограммирования. И эта самозарождающаяся программа выдавала новые цели. Окружающий его противник расплачивался за технологическое отставание своего пехотного оружия. Его безумно дорогая, новейшая, закупленная за лишения собственного народа система противовоздушной обороны оказалась прикрыта с земли морально устаревшим механизмом охранно-постовой службы. Солдаты его, умирающие от суперсовременных пуль, были плохо подготовлены, потому что единственное, чему их хорошо обучили, была уборка мусора в казарме и марширование на плацу, да и эту работу они не слишком любили и выполняли кое-как. Другого нельзя было ожидать, они были призывниками, то есть людьми, впихнутыми в свою родную армию насильно, служащими задарма, их предвоенная подготовка была нулевой, и никто бы не смог их обучить умелому и согласованному пользованию вооружением за короткое время службы. Застигнутые внезапно, они были обречены.

Александр залег на вершине земляной насыпи. Он видел людей внизу, по всей видимости, это были техники, не представляющие для него опасности, – однако они обслуживали железо, способное уничтожать самолеты, а значит, тоже являлись приоритетными целями. Он видел их более чем хорошо, его чувствительные светофильтры даже несколько затенили изображение, так как некоторые военные имели фонари. Александр выстрелил в их сторону разрывной пулей, а затем, переключив боеприпасы, начал обстрел главной кабины управления. В инженерном плане позиция была плохо оснащена, так как в этом месте оборудование разместили недавно, если бы кабины были спрятаны под землю, а кабели скрыты в бетонных нишах, у Александра было бы смехотворно мало шансов нанести свои удары. Постреляв некоторое время, Александр перенес огонь на новых людей, появившихся внизу. Над ним уже свистели пули, более медленные, чем его плазморазгонные, эти ускорялись по старинке – порохом, но они превосходили его калибр. Ему снесло правое накладное «ухо». Если бы не аппаратура подавления шумов, он бы оглох. Александр поспешно отполз вниз, быстрым движением отстегнул и второе, уже не нужное слуховое устройство: врагов в оперативной картинке хватало более чем. Он снова прикинул возможность нанести удар по ранее обнаруженному кабелю, однако посчитал это маловыполнимым, и компьютер был согласен с его оценкой. Александр начал отступление, выходя из смыкающегося кольца атакующих, когда наконец-то получил сигнал – ответ с летающего КП.

– «Матрешка»! Уходите из зоны объекта, к вам идут истребители.

Он приказал компьютеру передать накопленные данные и продолжил отход, периодически останавливаясь для выстрелов, патроны уже кончались, и он стрелял короткими очередями. Вскоре он добрался до ограждения с противоположной от места вторжения стороны. Сердце колотилось бешено, он поспешно отстегивал лишние предметы, облегчая одежду. Он успел перерезать проволоку внутреннего ряда, когда наконец-то включились прожектора. На мгновение он несколько ослеп, но не от действия света – фильтры подавили все дискомфортные проявления, – а именно от перехода шлема на другой диапазон: стекло меняло поляризацию и пропускную способность. Александр продолжал двигаться, а вокруг свистели пули, его наконец-то увидели, но враги сильно распыляли силы, он явно отступал, а значит, не представлял непосредственной угрозы – они же продолжали поиски других нападающих, предполагая, что подверглись массовой атаке.

За вторым рядом ограждений он вновь попал на минное поле, но здесь некоторые заряды были из пластика и давали слабое отражение на радаре, поэтому перегруженный компьютер отсеял эти сигналы как мешающие. Через десяток метров перед Александром выпрыгнуло из земли противопехотное разрывное устройство. Оно бабахнуло на высоте сорока сантиметров, желая отсечь ноги направленной вкруговую струей пламени. Жесткая броня ниже колена выдержала удар, однако мягкая бедренная была гораздо тоньше...

А там, над позицией, уже готовились к исполнению своего предназначения «подарки» с неба, смело скользя по невидимым глазу лазерным струнам. Прожектора приговоренного объекта включились крайне не вовремя, теперь они поспешно гасли, однако и это давало мало преимуществ противовоздушному дивизиону, без фазированного локатора наведения его многочисленные ракетные контейнеры были бессмысленной, сложноинженерной эквилибристикой.

Часть I ПОИСК

За ним следили. Вот уже вторую неделю он замечал этих маскирующихся в толпе или прикидывающихся любопытными прохожими людей. Первоначально он убеждал себя в ошибочности этих подозрений, но случаи обнаружения за собой «хвостов» и незнакомых типов у подъезда множились. Располагая массой свободного времени (двадцать четыре часа в сутки), он без всякого калькулятора сделал прикидку. Только визуальная слежка, предположительное прослушивание телефона и, опять же, гипотетический обыск в квартире должны поглотить массу денег на оплату агентов. Данная сумма многократно превышала его годовое пособие и, видимо, допуская продолжение детектива, вскоре превысит стоимость самой дорогой личной недвижимости – квартиры. Что их еще могло интересовать? Трансплантация органов? Вдвойне смешно. Для этого необходимы здоровые, молодые сердца и почки. А его перемолотые словно в мясорубке ноги, исколотое уколами туловище, кожа, похожая на шахматную доску от вкраплений искусственных участков – очень нетривиальное вместилище отравленной лекарствами печени... Нет, с этой стороны опасность не грозила. Но ведь опасность была?

Он начал с усилием, даже с чрезмерной энергией, вращать руками колеса своей инвалидной коляски. Можно было простым нажатием кнопки включить электрический моторчик под сиденьем, но хотелось дать выход эмоциональному напряжению.

Даже с рационалистической точки зрения, отслеживать его было не нужно. При всем желании он не мог слишком удалиться от места жительства, как истребитель при полупустых заправочных баках от аэродрома. Его маршруты по окружающим кварталам, как гармонические колебания, повторяли сами себя: пара продовольственных магазинов, журнальный киоск, бульвар. Но это, последнее, только в хорошую погоду. Иногда на простые колебания накладывались менее периодические, растянутые во времени всплески: поездки в мэрию или внезапные кружения по другим улицам, отголоски какой-то древней реликтовой жажды путешествовать. Когда-то, в самом начале новой жизни, он старался стать незаметным, при необходимости куда-то попасть он норовил делать это быстрее, не глядя по сторонам. Там, из окружения, бросались быстрые, смущающиеся своей полноценности взгляды, любопытные, долгие осмотры детей, женские руки, дергающие их в попытках ускорить шаги, кисти, внезапно опускающиеся в карманы за мелочью и замирающие на полпути. Раньше он в основном и видел только эти руки или множестводвигающихся ног. Чтобы увидеть лица, необходимо было бы поднимать голову. Он боялся это сделать, опасаясь встретить глаза, да и не наловчился еще ловко передвигаться на колесах.

Может, ему хотят за что-нибудь отомстить? Ну, допустим, за Судан? Но он был всего лишь пешкой в игре, и, хотя это была тайная операция, все проводилось под флагом Объединенных Наций. Значит, причины слежки неизвестны. Если позвонить в полицию, они, конечно, приедут, пройдутся туда-сюда, с видом оторванных от важного дела чиновников, порекомендуют звонить по малейшему поводу, а распрошавшись, по дороге назад будут говорить об истерическом припадке, у которого физическая травма перешла в умственную.

Он остановился у киоска, взял «Известия» и оставленное для него «Военное обозрение», но в тень бульвара он не поехал, а, развернувшись, двинулся домой. Закрыв за собой входную дверь, он почувствовал, что они уже здесь. Отступить было некуда.

* * *

– Добрый день, – учтиво поприветствовал его человек в темном костюме, сидящий в его кресле возле окна. Окно было зашторено, но свет не горел. Еще один незнакомец расположился на кухне. – Извините за вторжение и за то, что я не представляюсь. У нас не слишком много времени в запасе, поэтому оставим все формальности позади. Я надеюсь, пока мы не причинили вам каких-либо трудно устранимых неудобств.

Можно было повозмущаться о незаконности проникновения в личное жилище, явно видимых следов обыска и прочей бумаго-законом запрещенной ерунде, но зачем зря сотрясать воздух? Они были здесь, два здоровых, сильных человека, наверняка вооруженные и умеющие замечать следы, против инвалида в коляске с моторчиком. Он въехал в комнату и остановился напротив кресла. Человек в костюме с натяжкой улыбнулся.

– Вы нужны нам, Александр. Вы самый подходящий кандидат по большинству проверенных параметров. Я пока не открываю вам карты, вы узнаете суть предложения после своего добровольного согласия на него. Для этого даже не нужно будет подписывать какие-то бумаги. У нас будет чисто джентльменское соглашение. Я понимаю, что для вас это, так сказать, «кот в мешке», но ничего не могу поделать. Александр, я приглашаю вас в путешествие, достаточно захватывающее и опасное. В процессе него мы проведем с вами серию психологических и физических тестирований и, кроме того, что-то вроде курса переквалификации с повышением уровня образования. Более того, мы, правда с очень малой вероятностью, попробуем вернуть вам подвижность. А если после тестирования вы по-прежнему будете нам нужны, ваша жизнь изменится коренным образом: вы станете другим человеком. Теперь о том, что вы теряете. У вас нет близких родственников, и, следовательно, с этой точки зрения вы свободны. С клубом ветеранов вы практически не общаетесь, и у вас нет там друзей. Соседи и некоторое количество знакомых? С моей точки зрения, невелика потеря. Вот эта квартира? Местечко довольно уютное, могу признать. Ну, что там еще я упустил? Подскажите.

Александр молчал.

– Вы должны исчезнуть из этой своей жизни сразу, то есть никто не должен ничего знать. Пусть это останется для окружающих загадкой. Взамен всего этого я предлагаю много-много работы над собой и – как бы это выразить – новые миры.

Человек в сером костюме встал и демонстративно глянул на часы.

– Вам на обдумывание тридцать минут. Мы несколько связаны во временных координатах. Наш человек пока будет находиться поблизости, телефон мы у вас тоже пока отключили. Вещей никаких с собой не берите, это все лишнее. В течение этого времени на углу пятого направо по проспекту дома я буду ждать вас в красном автомобиле. Если вы не появитесь, больше мы никогда не увидимся. У вас одна возможность.

Человек встал.

* * *

Стрела расщепила свою предшественницу, и даже с такого расстояния звук удара был слышен. Инструктор по стрельбе – Миоко повернулся к нему и положил руку на плечо. Александр невольно напрягся, он боялся опрокинуться на спину – все-таки протезы есть протезы.

– Ну что же, Саша, стрельбу из лука вы освоили, но дело в том, что там, куда вы попадете, его не будет, поэтому вам нужно научиться его изготавливать, причем в одиночку и самыми примитивными инструментами. Сегодня отдыхаем, а завтра за дело.

Александр посмотрел на тренера и кивнул. Он давно ждал чего-то в этом роде, ведь когда он освоил автомат и винтовку, ему сказали нечто в таком же духе, и началось освоение арба-

лета. И так последовательно по ступеням эволюции оружия, только в обратном порядке. Параллельно его натаскивали в рукопашном бою, хотя здесь с ним обходились мягко, все-таки в физическом плане он был неполноценным партнером. Он изучил, как драться палкой, саблей, нунчаком, булавой, стилетом и даже кастетом. Его заставляли кидаться камнями, иногда по целому часу в день. Самое интересное, что все это входило в противоречие с параллельно осваиваемой медициной, даже не медициной, а какими-то избранными темами из нее. Его научили вырывать зубы, правда только у манекенов, стерилизовать инструмент, накладывать жгут и приготавливать из трав микстуры от всяких болезней. Все это носило оттенок игры, он быстро уловил несообразности всего своего обучения. Тренер карате, имеющий, видимо, не менее черного пояса, натаскивал его только несколькими простейшими приемами, и при этом вовсе не заставлял набивать руки о кирпичи и бревна. Ему ни разу даже не порекомендовали заняться на тренажерах, чтобы загрузить работой сердце – главный орган при любом виде спорта. А когда он сам попытался начать по утрам делать зарядку и попросил эспандер, Курман, старший на этой лесной вилле, и самое важное, человек, втянувший его в теперешнюю суету, зашел к нему и выдал:

– Александр, не тратьте свои силы зря, делайте только то, что от вас требуют. Мы оптимально рассчитали возможную нагрузку для вас, не надо укорачивать и без того короткий сон. А книги, которые стоят в вашей комнате, подобраны там специально. Вы должны прочесть их и постараться запомнить. Там, где вы окажетесь, у вас не будет справочников.

А на полках стояла довольно мощная стопка. Он и раньше просматривал почти все фолианты оттуда. Там было все, начиная от «Пособия для начинающих альпинистов», «Выделки шкур в домашних условиях», подробных физических атласов Африки, Азии и Европы до учебника ориентации по звездам в обоих полушариях, причем со свежееиспеченным типографским приложением детального расписания изменений созвездий в зависимости от векторов собственного движения звезд за тысячи лет. Человек, который смог бы освоить эти полки, наверное, считался бы специалистом по нескольким не связанным между собой областям знаний.

– Мне все еще нельзя знать, для чего вся эта подготовка, господин Курман? – поинтересовался Александр.

– Я думаю, когда-нибудь вы, может, догадаетесь сами, а пока ответ на этот вопрос покажется сумасшедшим.

* * *

– Это что, корыто? – оторопело спросил Александр.

Малютка Кибби улыбнулся, хотя вопрос был задан не на его родном языке, он оценил юмор. На родном языке Кибби не говорил никто из знакомых Александра, и вообще никто из тех, кого он знал за свою жизнь. Родным для Кибби был какой-то центральноавстралийский диалект, который могли понимать только его соплеменники и их соседи по окружающей местности, не считая ничтожно малого количества энтузиастов-этнографов с белой кожей.

– Эта штука по-вашему зовется копьеметалка. В принципе, это только один из ее видов, – пояснил коренной австралиец со своим странным акцентом. – Как корыто ее тоже можно использовать или как тарелку, но мы будем изучать ее первое качество.

– Ага, – кивнул Александр.

Что он мог сказать еще этому маленькому человеку, который, по словам Курмана, закончил университет в Мельбурне.

– Как думаешь, Саша, на сколько можно метнуть копьё вот этой штукой?

– Убейте меня на месте, учитель, но я в упор не представляю, как она действует.

– Ну, а просто рукой?

– Здоровый человек, – Александр сделал невольную паузу, – закинет метров на тридцать. Ясное дело, смотря какого веса копьё, – добавил он поспешно.

– Почти так, Саша, – кивнул австралиец. – Ну а теперь смотри.

Он наклонился, открыл здоровенный, всегда стоящий здесь, на окраине поляны, ящик и извлек на свет божий довольно длинную палку. Может, по взглядам аборигенов Австралии, это считалось копьём, но Александр в этом сильно сомневался: оно не имело наконечника, оно просто было обстругано спереди, и утолщалось оно тоже сзади наперед. Киби разместил оружие в «корыте», поднял его правой рукой, одновременно левой придерживая копьё. Что-то в выражении его лица неуловимо изменилось, мгновенно исчез весь налет уроженца двадцать первого века. Александр поспешно отодвинулся, когда он вскинул руку. Миг, и копьё ушло вверх. Александр следил за ним, задержав дыхание: оно летело и летело, никак не желая падать, уносясь все дальше, туда, на другой край поляны, затем начало планировать вниз.

– Сходи, Саша, разомнись, – изрек Киби. – Измерь расстояние.

Александр пошел вперед, внимательно смотря под ноги.

– Примерно шестьдесят восемь метров! – крикнул он с той стороны.

Киби, совсем маленький на таком расстоянии, кивнул.

Александр поднял оружие. Сделано оно было грубо, но в руке держалось удобно. Понятно, почему оно утолщалось спереди: чтобы не вертеться в полете. Когда Александр принес копьё обратно, он спросил:

– Эта копьёметалка, это ваше изобретение? Я имею в виду – австралийское?

– Я понял, Саша. Нет, конечно, ведь в Австралию первые люди попали довольно поздно, а эта штука была известна по всему миру, или почти по всему, очень-очень давно, потом ее сменил лук и так далее. Но нам с тобой нужно...

– ...научиться ее изготавливать, – закончил за него Александр.

Киби оторопело посмотрел на него.

* * *

Александр взвесил в руке бумеранг. «Увесистая штука, – подумал он. – И ведь, если не попал, она возвращается, может и по башке наверхнуть». Он с уважением посмотрел на Киби.

– Ну уж это, дорогой учитель, точно ваше изобретение?

– И снова должен тебя разочаровать, Саша. Эта штука тоже успешно применялась невероятно давно в очень многих регионах планеты.

Александр взял оружие и легким движением запустил его по дуге. В мишень он не попал, но снаряд не возвратился.

– Сколько он пролетел? – спросил Киби.

– Метров тридцать пять, – предположил Александр, за эти недели он хорошо набил глаз на всяких подобных штуках.

– Да, примерно, – подтвердил Киби. – Сходи измеряй.

– Знаете, я думал, что хоть за этой штукой не надо ходить, когда промажешь, – съязвил Александр.

– Это предвзятое мнение, – пояснил Киби. – Настоящий боевой бумеранг не возвращается, он сделан для охоты, а не для развлечений. А вот спортивный, тот – да. Но мы с тобой ограничим свой курс этим тяжелым экземпляром, так что – за дело.

* * *

Вот так, забытые занятиями и чтением до упора, проходили недели. Он освоил начала медитации, даже методы гипноза и самогипноза, он научился в какой-то мере подавлять боль,

он хорошо знал, что это такое, еще по прошлой жизни, а уж инвалидом он познал ее досконально. Он привык подавлять страх высоты, он просматривал на видеокассетах прыжки акробатов на качелях в замедленной съемке и учился оценивать расстояния на глаз. Несколько раз он со специалистами лазил по горам, их отвозили туда вертолетом. «Лазил» – сильно сказано, они просто таскали его с собой, заодно поучая, как пользоваться снаряжением. Его даже возили в родильный дом, и он, лично не участвуя, все-таки получил представление о том, как работают акушеры. А еще он научился дрессировать овчарку и ухаживать за ней.

* * *

– Наверное, это последнее, – сказал Курман задумчиво, – самое последнее из могикан.

– Я думал, их вообще уже нет, – согласился Александр. – Считал все эти сообщения, периодически мелькающие в новостях, просто «уткой».

Курман весело посмотрел на него.

– За что ты мне нравишься, Саша, это за твое скептическое отношение к фактам, которым другие верят не задумываясь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.